

Остается только сожалеть, что книга практически лишена иллюстративного материала (правда, две иллюстрации вынесены на обложку). Удивляет и ограниченность тиража — всего 6500 экз. Между тем она нужна не только специалистам, но и широкому кругу читателей — о ее значительном воспитательном потенциале убедительно сказал в своей рецензии Э. Володин².

Н. А. Миненко

² Володин Э. О предках — в назидание нам, потомкам // Наш современник. 1987. № 2. С. 186—188.

А. И. Мусукаев. Об обычаях и законах горцев. (Традиционные и общественные институты в советской исторической науке). Нальчик, 1986, 152 с.

Новая работа балкарского этнографа в известной мере продолжает его книгу «О Балкарии и балкарцах» (Нальчик, 1982), в которой освещались вопросы архаических общественных организаций в трудах дореволюционных авторов. В то же время следует отметить неадекватность содержания интересного и полезного труда его названию (включая и подзаголовок).

Первая глава «Начало века» вводит читателя в круг этнографических «публикаций ученых и авторов» предреволюционных лет, уделявших внимание традиционным и общественным институтам горцев Северного Кавказа (причем автор книги делает акцент на Кабардино-Балкарии). А. И. Мусукаев умело привлекает новый полевой этнографический материал, как бы проверяя достоверность ряда наблюдений и выводов, касающихся исторического процесса в изучаемом регионе, где тесное переплетение элементов уходящих формаций с общественными явлениями сегодняшнего дня весьма затрудняло объективную оценку основных тенденций и этапов развития.

Проанализировав деятельность таких ученых-краеведов начала нашего века, как Г. А. Вертепов, Б. А. Ланге, Н. П. Тульчинский, Е. З. Баранов, Д. А. Пахомов, Н. А. Караулов, Н. С. Иваненков, Н. М. Агишев и др., автор выявил их большой интерес к конкретным традиционным порядкам, обычаям, церемониям, обрядам. Не всегда А. И. Мусукаев достаточно четко и мотивированно излагает свое отношение к выводам исследователей, занимавшихся той же проблемой до него, и мнениям своих информаторов. Так, суждения о положительном влиянии архаических общественных организаций на образ жизни человека, его поведение и воспитание (с. 5), об отношении к женщине и правилам традиционного этикета (с. 10), о «прогрессивных законах и обычаях», под которыми подразумеваются нормы адата, противопоставляемые установкам шариата (с. 1), выглядят, порой, противоречивыми и оторванными от конкретной действительности начала XX в. (не говоря уже об отсутствии необходимой ретроспекции в оценке с позиций сегодняшнего дня).

Становлению этнографического краеведения в 20-х годах нашего столетия на примере Кабардино-Балкарии как части Северокавказского региона посвящена вторая глава, в название которой вынесены слова Н. Я. Марра «...Источник новых методов» — об этом пути научной работы. В указанной главе собрано много любопытных и важных сведений о деятельности первых советских исследовательских и просветительских центров в Нальчике, о начальных шагах краеведения как комплексной сферы науки, откликнувшейся на рост национального самосознания горских народов Северного Кавказа в условиях осуществления ленинской национальной политики. Но общерегиональные тенденции только лишь обозначены в главе, и создание сводной картины — дело будущего.

В третьей главе «Популяризация краеведческих знаний» излагаются научные взгляды, характерные для первых этапов строительства социалистического общества, на существование в быте северокавказских народов видоизмененных и перерождающихся обычаев и традиций, восходящих к отдаленным периодам истории и нуждающихся в скорейшем их изучении «с целью сохранения для науки, для будущих поколений» (с. 32). В сущности это историографический обзор литературы, касающейся вопросов общественного устройства ряда народов Центрального Кавказа. Рассматривая взгляды С. П. Меча, В. П. Христиановича, Г. Ф. Чурсина и других исследователей, А. И. Мусукаев выделяет дискуссионные вопросы трактовки сведений о горских «родовых отношениях», справедливо усматривая в них следы реального существования патронимий и больших семей. Рассмотрев результаты издательской деятельности Общества изучения Адыгейской автономной области за 1927 г. (с. 50—54), автор должен был бы отметить, что популяризация без должных комментариев трудов по этнографии и истории XIX в. невольно служила консервации традиционных представлений на исторический процесс, приводила к своего рода любованию уже отживающим, уходящим, что по существу мешало укрепиться новым взглядам и нормам жизни.

Четвертая глава содержит разбор первых профессиональных этнографических исследований, вышедших в советское время. А. И. Мусукаев, стремясь выдержать последовательно-хронологический принцип изложения, склонен вести отсчет «специального и целенаправленного этнографического изучения народов Северного Кавказа» с известной статьи А. Н. Генко, опубликованной в 1936 г. Нисколько не умаляя заслуг крупного кавказоведа, наследие которого, кстати, отнюдь не полно показано и оценено в рецензируемой книге, приходится заметить, что первые серьезные этнографические исследования вышли в свет уже в 1920-х — начале 1930-х годов. Причем, принадлежали они перу не только русских (А. М. Ладыженский, Л. П. Семенов, В. П. Пожидаев

и др.), но и первых представителей советских национальных научных кадров (Б. К. Далгат, И. Карачайлы-Хубиев, Г. А. Кокиев и др.). Истинный успех мог прийти только при гармоничном объединении всех этих сил.

Свой обзор литературы в этой главе А. И. Мусукаев доводит до начала 1960-х годов, компетентно оценивая большой вклад ученых (в том числе В. К. Гарданова, А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе, Е. Н. Студенецкой, Т. Х. Кумыкова, Н. Ф. Такоевой и др.) в разработку проблем патронимии, фамилии, семьи, внутрисемейных родственных отношений у адыгов, балкарцев и карачаевцев. Ярко показано, как постепенно, но упорно происходил отказ от чрезмерной архаизации общественно-семейного быта горцев и одновременно критически встречались попытки преувеличить реальную степень этого явления. Однако историко-этнографические аспекты изучаемой проблематики у других народов Северного Кавказа фактически не освещены в книге, что заметно обедняет ее.

В отдельной главе А. И. Мусукаев рассматривает роль М. О. Косвена в кавказоведении. Критически сопоставляя его взгляды с суждениями других авторов, используя лично собранные полевые материалы, автор кратко и емко характеризует основные открытия М. О. Косвена в области исследования архаических организаций. К числу наиболее важных заслуг ученого А. И. Мусукаев справедливо относит основополагающую идею о распаде архаического рода на Кавказе и смене его патронимией, которая длительное время сохраняла представление о кровной близости своих членов, об общности их интересов, подкрепляемое территориальным единством этого общественного коллектива.

Завершает книгу глава «Проблемные этнографические исследования». В ней ранее заметная тенденция абсолютизации кабардино-балкарского материала получает полное воплощение. Автор теперь открыто концентрирует свое внимание лишь на соответствующих фрагментах обобщающих трудов большой группы специалистов или на статьях последних 25 лет, принадлежащих перу московских, ленинградских и местных этнографов. Объяснение этому следует искать не в слепой дани «местничеству», узкому этнолокальному подходу к проблеме. Ограниченный объем книги и стремление подробно показать состояние и дискуссионность проблем традиционных и общественных институтов неизбежно приводят к столкновению. Видимо поэтому автор не сумел подкрепить заголовок и подзаголовок работы соответствующим содержанием.

Тем не менее книга несомненно сослужит свою службу при дальнейшем исследовании архаических общественных организаций, их генетических корней, связанных с ними остаточных процессов и пережитков, дальнейшего развития общественно-семейных отношений вплоть до наших дней. Труд А. И. Мусукаева, являясь редким (едва ли не уникальным) опытом историко-этнографического исследования проблем этнографии Кавказа, будет полезен не только для этнографов и историков-профессионалов, но более всего для их подрастающей смены, глубина и основательность научных взглядов которой во многом зависят от овладения всей суммой накопленных ранее знаний.

В. Б. Виноградов

Фольклорный театр народов СССР/Отв. ред. Кайдалова О. В. М.: Наука, 1985. 247 с.

Актуальность исследования фольклорных драматических жанров продиктована не только необходимостью глубокого изучения истоков и генезиса развитых театральных форм, попыткой проследить закономерности театрального развития, но и потребностями современной сцены. В последние десятилетия все большее число театральных деятелей обращается в своем творчестве к театральному фольклору. Это сказывается в привнесении некоторых традиций народного театра в спектакли на профессиональной сцене (импровизационность, вовлечение в действие зрительного зала, условные приемы, приобретающие знаковую функцию, атрибутивность бутафории). Некоторые представления народного театра пытаются целиком перенести на сцену. Это, например, спектакль «Лодка» в студии А. Левинского в Москве или литовский фольклорный театр, работающий на базе Музея народного быта Литовской ССР.

Фольклорный театр является одним из наименее изученных этапов развития отечественного театрального процесса. Часть проблем его исследования попытались разрешить, некоторые просто наметили авторы рецензируемой книги «Фольклорный театр народов СССР».

Сборник содержит 12 статей о фольклорном театре восточных славян, народов Средней Азии, Кавказа, Молдавии и других республик.

Поставлена задача не просто рассказать в одной книге о том, что представляет собой устное драматическое творчество народов СССР, но и выработать единый подход к его исследованию. Основное внимание обращалось не на обрядовые действия в целом, а лишь на те из них, в структуру которых в качестве доминанты входят игровые и зрелищные моменты. Концептуальное единство позволило авторскому коллективу выделить то общее, что характерно для фольклорного театра независимо от этнографического его контекста (коллективная творчество, вариативность, сатирическая направленность, импровизационность, условность действия), и одновременно показать «национальные модификации общих признаков фольклорной эстетики» (с. 9).

Ограниченный объем исследования не позволил многим авторам детально показать место и проследить эволюцию фольклорного театра в системе жанров фольклора. Рас-